

ность голодной и нечистой жизни со строгой глубиной плачущего вдохновения, заиграл на скрипке. Это был торжественный, сказочный мотив – то жалобно-прекрасный в верхних нотах, то звучащий мрачной скорбью в басах. И было в нем что-то средневековое, безнадежное, изысканно-слащавое, жестокое, длительное и страшное» [5. Т. 4. 305].

Использование различных повторов рождает особую мелодичность повествования и напевность: «*Никто, никто не узнал этой тайны. Тихо плещутся волны о каменные своды... Слышится в этом плеске давний, страшный топот лошадиных копыт. Никто не узнает тайны. Тихо, тихо плещутся волны...*» [Там же. С. 306].

Ритмизация повествования достигается также благодаря анафоре: «*Это было давно!.. О, как давно это было! Много веков прошло... О, как много веков... И об этом забыли. Это было страшно давно...*» [Там же. С. 304]. Это дает читателю возможность поразмыслить над легендой, соотнести рассказанную историю с собственным жизненным опытом, прочувствовать ее (это свойство лирической поэзии).

Контаминацию музыкального и прозаического А.И. Куприн использует и в «Гранатовом браслете» (1910). Эпиграфом взято название сонаты Бетховена. В финале произведения героиня слушает это сочинение композитора, и монолог о любви звучит как стихотворение в прозе, вторя музыкальному произведению. Рефреном Веры проходит цитата из молитвы «Отче наш». Каждый семантически цельный отрывок завершается строкой «Да святится имя твое» (из молитвы Господней). Эта повторяющаяся строка и создает особую ритмическую организацию текста. «И в уме ее слагались слова. Они так совпадали в ее мысли с музыкой, что это были как будто бы куплеты, которые кончались словами: “Да святится имя Твое”».

Вот сейчас я вам покажу в нежных звуках жизнь, которая покорно и радостно обрекла себя на мучения, страдания и смерть. Ни жалобы, ни упрека, ни боли самолюбия я не знал. Я перед тобою – одна молитва: “Да святится имя Твое”.

Да, я предвижу страдание, кровь и смерть. И думаю, что трудно расстаться телу с душой, но, Прекрасная, хвала тебе, страстная хвала и тихая любовь. “Да святится имя Твое”.

Вспоминаю каждый твой шаг, улыбку, взгляд, звук твоей походки. Сладкой грустью, тихой, прекрасной грустью обвеяны мои последние воспоминания. Но я не причиню тебе горя. Я уйду один, молча, так угодно было богу и судьбе. “Да святится имя Твое”.

В предсмертный печальный час я молюсь только тебе. Жизнь могла бы быть прекрасной и для меня. Не ропщи, бедное сердце, не ропщи. В душе я призываю смерть, но в сердце полон хвалы тебе: “Да святится имя Твое”» [5. Т. 5. С. 329].